

Глава 4

Су Янь повернулся к Пэй Хуайюю и слегка кивнул — вежливо, но отстраненно.

Спустя мгновение, словно спохватившись, что приветствие вышло излишне холодным, он неловко добавил, подражая давешней манере собеседника:

— Молодой господин Пэй, мы снова встретились.

Пэй Хуайюй, впервые удостоившийся чести услышать, чтобы Су Янь заговорил с ним сам, заметно приободрился и с гордостью спросил:

— Даоси Су, что привело вас в эти края?

— Почувствовал дуновение призрачной скверны, пришел проверить, — немногословно отозвался тот.

Сделав несколько шагов к западу вдоль угла, Су Янь остановился посреди мостовой и принялся внимательно изучать окрестности.

Гао Цзэкай, до этого безмолвно наблюдавший за представлением одного актера, быстро смекнул, что этот юноша и есть тот самый «ученик старого друга наставника», о котором Пэй Хуайюй без умолку трещал с самого рассвета. Шагнув вперед, он мягко улыбнулся:

— Наслышан, что ваш учитель дружен с моим почтенным наставником. Собрат Су, вы ведь нечасто бываете в Сицзине. Позвольте мне оказать вам гостеприимство и показать город.

— Ни к чему, — сухо отрезал Су Янь. — Призрачный след быстро тает. Если не поторопиться, тварь скроется.

Гао Цзэкай опешил от подобной прямоты.

Будучи старшим учеником Государственного наставника, Гао Цзэкай пользовался безграничным доверием Императора. В отсутствие учителя, пребывавшего в далеких странствиях, все заботы резиденции ложились на его плечи. Впрочем, при дворе ценили не столько умение изгонять нечисть, сколько редкий талант толковать небесные знамения, читать фэншуй да отводить беду. Поэтому Гао Цзэкай посвятил себя изучению древней «Книги Перемен» и созерцанию звезд, заметно уступая во всем, что касалось борьбы со злыми духами, своему второму младшему брату, Вэй Чжунмоу.

То, что сегодня расследование вел именно он, а не Вэй Чжунмоу, объяснялось просто: злая шутка его непутевого брата — а точнее сказать, явное покушение на жизнь Пэй Хуайюя —

выплыла наружу. В отсутствие наставника Гао Цзэкаю пришлось собственноручно выпороть наглеца и запереть его в покоях для покаяния.

Но одного домашнего ареста было мало. Император и принцесса Минлан требовали внятных объяснений. При одной мысли о том, что ему придется разгребать чужую грязь и унижаться перед сиятельными особами, Гао Цзэкай готов был прибить несносного брата прямо на месте.

К несчастью, Государственный наставник уехал не насовсем, и рано или поздно должен был вернуться. Не будь этого, Гао Цзэкай, пожалуй, без колебаний очистил бы школу от паршивой овцы.

Оборвав невеселые размышления, он вновь переключил внимание на стоявшего перед ним юношу.

Гао Цзэкай понятия не имел, сколько времени этот молодой даоси, бывший ровесником Пэй Хуайюя, провел на перекрестке. Однако способность Су Яня чують призрачную ауру ясно доказывала: в искусстве экзорцизма он смыслит куда больше. Упускать такую даровую подмогу было бы непростительной глупостью.

— Уличный посол Пэй, похоже, нам посчастливилось встретить истинного мастера, — с легкой издевкой позвал Гао Цзэкай, не упуская случая уколоть Пэй Цзинсина. — Позвольте вас представить. Собрат Су, это господин Пэй. Он как раз идет по следу полулицего призрака.

По всем законам приличия, Гао Цзэкай выстроил идеальный мостик, и любой искушенный в светском общении человек без труда поднялся бы на борт их общей лодки. Однако Су Янь лишь равнодушно кивнул:

— Понятно.

Гао Цзэкай лишился дара речи.

К несчастью, положение спас Пэй Хуайюй, совершенно не умевший читать намеки и чужую мимику. Он вновь бесцеремонно подскочил к Су Яню:

— Даоси Су, а что это вообще такое — призрачная скверна?

— След, который оставляет после себя нежить, — лаконично пояснил Су Янь. Он вернулся к углу улицы и, прищулив правый глаз, принялся рассматривать землю левым.

Пэй Цзинсин до сих пор хранил молчание, но его тяжелый, цепкий взор был неотрывно прикован к юноше.

Он заметил, что левый глаз Су Яня разительно отличался от обычного. С годами угольная чернота зрачков неизбежно тускнеет, сменяясь карими или янтарными оттенками. Однако левый глаз Су Яня оставался девственно-черным, как у новорожденного младенца. Пожалуй, он был даже темнее — бездонный, ледяной омут, в котором не отражалось ни искры света, ни малейшего всплеска чувств. При этом в нем не было слепой мертвенности. Скорее наоборот: Пэй Цзинсину почудилось, будто в этой непроглядной глубине затаилось нечто неведомое, готовое в любой миг вырваться наружу.

"Может, он и есть ключ к разгадке?"

Внезапный порыв заставил Пэй Цзинсина спросить вслух:

— Даоси Су, удалось что-нибудь выяснить?

Су Янь перевел на него взгляд; в его здоровом правом глазу сквозило недоумение:

— Призрак ранен. И сила его на исходе.

— Сможешь его выследить? — быстро спросил Пэй Цзинсин.

Юноша разочарованно качнул головой:

— Нет. Тварь оказалась хитрой — затаилась. Ее след обрывается прямо здесь, дальше вести некуда.

Су Янь указал на мостовую, где стоял мгновением ранее.

Пэй Цзинсин в упор посмотрел на незнакомца, и его голос сделался холодным и жестким:

— А зачем вам, даоси Су, ловить этого полулицего призрака?

"Уж не связано ли это существо с тобой лично?"

— Учитель велел мне после спуска с горы истреблять нечисть ради закалки духа, — бесхитростно ответил Су Янь.

— Какое совпадение, у нас те же цели! — Гао Цзэкай бесцеремонно отодвинул Пэй Цзинсина локтем назад. Его приветливая улыбка сочилась патокой, но вкрадчивый тон выдавал в нем хитрого торговца живым товаром. — Собрат Су, мы ведь тоже ищем полулицего призрака. Почему бы нам не объединить усилия?

— Объединить усилия? — Су Янь смерил Гао Цзэкая оценивающим взглядом. — Не выйдет. Учитель предупреждал, что Государственный наставник — проныра и лицемер. А его ученики, переняв повадки наставника, тоже не заслуживают доверия.

Улыбка Гао Цзэкая едва не треснула.

— Мой учитель, признаться, ленив и любит изводить нас, своих подопечных, глупыми придирками, — процедил он сквозь зубы. — Но «лицемер и проныра» — это, пожалуй, чересчур суровый приговор.

— Вот именно! — жарко закивал Пэй Хуайюй. — Даоси Су, мы ведь вчера полночи проговорили при свечах! Неужели я, по-вашему, тоже бесчестный подлец?

"Нет, ты не подлец. Ты просто непроходимый глупец"

К счастью, скудных крупиц житейской мудрости, накопленных Су Янем за три месяца скитаний, хватило, чтобы придержать этот очевидный вывод при себе.

Поняв, что договориться не удастся, Пэй Цзинсин отрезал:

— Раз так, даоси Су, дело находится под началом гвардии Цзиньувэй. Посторонним здесь не место, посему прошу вас не путаться под ногами.

Су Янь нахмурился, но спорить не стал. Молча развернувшись, он зашагал прочь.

Стоило юноше скрыться из виду, как с лица Гао Цзэкая мгновенно слетела маска невозмутимости. Обернувшись к своему названому младшему брату, он ядовито процедил:

— Ну что, младший брат Пэй, это и есть тот самый «ученик старого друга нашего учителя»?

Пэй Хуайюй виновато скуксился:

— Откуда мне было знать, что их наставники враждуют? Даоси Су столь искусен, да и лицом статен, не похож он на дурного человека...

Гао Цзэкай лишь тонко усмехнулся:

— Коль судишь о людях лишь по лику, младший брат, по возвращении тебе стоит переписать еще пару свитков.

Переписывание книг означало добровольное заточение в душной библиотеке на добрую

декаду. Пэй Цзинсин эту кару горячо поддержал:

— И где ты только находишь подобных чудаков? Сидел бы дома за книгами, целее был бы. Вечно от тебя одни неприятности.

Видя, что старшие ополчились против него, Пэй Хуайюй обиженно надулся:

— Я вообще-то теперь полноправный даоси! Мой долг — искоренять зло во имя справедливости! К тому же, старший брат Гао, ты ведь сам говорил, что без меня вам ни за что не справиться!

Пэй Цзинсин окатил его ушатом холодной воды:

— Он просто тешил твое самолюбие, а ты и уши развесил.

— Вовсе нет, — без тени смущения возразил Гао Цзэкай, обламывая гвардейца. — Без него нам действительно не обойтись.

В действительности хитрый план Гао Цзэкай заключался в том, чтобы выставить Пэй Хуайюя живой приманкой для полулицего призрака.

Услышав это, Пэй Цзинсин категорически воспротивился:

— Ни за что! Случись с Хуайюем беда, нам обоим несдобровать.

— Думаешь, у меня есть выбор? — парировал Гао Цзэкай. — Сам ведь говорил: вчера этот полулицый призрак едва завидел гвардейцев Цзиньувэй, как тут же бросился наутек. Тварь поумнела и теперь за версту чует опасность. От воинов исходит тяжелая, удушливая аура крови и стали — как ни рядись, ее не скрыть от нежити. У нас, даосов, та же беда: наши тела полны светлой энергии ян, которой призраки боятся пуще огня. И лишь младший брат Пэй подходит идеально: во-первых, драться он не мастак, так что воинской ауры лишен начисто, а во-вторых, в учениках ходит без году неделя, и чистая янская сила в нем еще не зародилась.

— Все равно нет, — не уступал Пэй Цзинсин. — Твои условия слишком просты. Я тебе к вечеру десяток таких простофиль найду.

— И что дальше? Заставишь их посреди ночи бродить по темным переулкам? — Гао Цзэкай, позабыв о приличиях, закатил глаза. — Любой мало-мальски разумный человек сразу смекнет, к чему клонят власти. И когда придет время, они от страха лишатся чувств еще до того, как покажется призрак. Где ты тогда найдешь замену?

Пэй Хуайюй, давно горевший желанием проявить себя, со снисходительным торжеством

посмотрел на онемевшего кузена и с жаром забил себя кулаком в грудь:

— Брат, не сомневайся во мне! Я не струшу!

Поняв, что спорить с этой парочкой бесполезно, Пэй Цзинсин раздраженно отмахнулся, переводя разговор на другое:

— Будь по-вашему. Но сначала наведемся в квартал Мира и Здоровья.

Квартал Мира и Здоровья лежал в нескольких перегонах от квартала Весенней Ясности. Здесь, среди искусно выстроенных теремов и павильонов, казалось, вечно витали отзвуки изысканных напевов и нежных струн.

Облаченный в доспехи гвардейца Цзиньувэй, Пэй Цзинсин выглядел в этой обители порока белой вороной. Прохожие боязливо косились на тяжелый Меч Хэн у него на поясе и испуганно шептались за его спиной.

Из всей троицы Пэй Хуайюй ориентировался в Квартале Мира и Здоровья лучше всех. Год назад, увлекшись стихосложением, он днями напролет пропадал в местных заведениях, слагая изящные строфы в компании куртизанок. Впрочем, страсть к поэзии угасла уже через три месяца, сменившись безмятежным увлечением рыбной ловлей, после чего юноша забросил веселые приюты.

Очутившись в знакомых краях, Пэй Хуайюй приосанился и важно пошагал впереди всех, ведя спутников к излюбленному борделю.

Услышав о визите грозной императорской стражи, хозяйка заведения, госпожа Фэн, растерялась, но поспешила навстречу гостям и лично проводила их в уединенные покои.

— Хозяйка, не захаживал ли к тебе в последнее время некий даоси? — без лишних предисловий спросил Пэй Цзинсин, едва они уселись за стол. — Мужчина лет сорока с небольшим, на левой мочке уха приметная темная родинка.

Все еще привлекательная Хозяйка Фэн кокетливо сощурила подведенные глаза, призадумалась и ответила:

— Уж не о старом ли даоси Ли речь, господин офицер? Этот прохвост появлялся у нас раз в месяц-два: то судьбу по руке предскажет, то всучит какую-нибудь грошовую безделушку под видом оберега. Но недели две назад хвастался, будто вот-вот сказочно разбогатеет, и с тех пор как сквозь землю провалился. Сводница Лю из соседнего дома уже все уши мне прожужжала: этот святоша задолжал ей за два сытных обеда и кувшин вина.

— Знаешь, где его искать? — спросил Пэй Цзинсин.

— Откуда мне ведать? Только явно не в нашем квартале, — Хозяйка Фэн брезгливо сморщила носик. — От него вечно разило дешевой сивухой и застарелым потом — кислый, тошнотворный дух. Разве что его паршивая рыжая псина терпеть могла эту вонь.

До самого вечера они безуспешно опрашивали обитателей Квартала Мира и Здоровья. Удалось выяснить немного: старый даоси действительно звался Ли, верным спутником ему служил облезлый рыжий пес, а на кусок хлеба он зарабатывал мелким шарлатанством. Полмесяца назад хмельной старик разболтал Хозяйке Фэн, будто напал на золотую жилу, и бесследно исчез, оставив за собой ворох долгов: двум трактирщицам — за выпивку и закуски, а тетушке Сюэ — за пару цзиней каленых семечек.

Нитка, ведшая к беглому даосу, оборвалась.

Когда они вышли на улицу, Гао Цзэкай заметил воспаленные, красные от усталости глаза Пэй Цзинсина и примирительно произнес:

— Уличный посол Пэй, шел бы ты отсыпаться. Пара часов погоды не сделают, а полулицый призрак никуда не сбежит.

— Некогда, — отрезал гвардеец. — Через час начнут бить в набат. Как только отзвучат шесть сотен ударов, закроются рынки и ворота кварталов. Тогда-то нечисть и выйдет на охоту. Скажи честно, каковы наши шансы, если решим ловить ее сегодня?

Гао Цзэкай молча растопырил пятерню:

— Половина на половину. О подобных тварях я отродясь не слыхивал, так что придется полагаться на старые проверенные методы экзорцизма.

— Как только затихнут барабаны, встречаемся на Посту городской стражи у восточных ворот квартала Весенней Ясности, — распорядился Пэй Цзинсин. Затем он строго посмотрел на кузена: — Хуайюй, сегодня мы идем лишь на разведку, так что тебе лучше остаться дома.

Юноша мгновенно взвился:

— Ну уж нет, брат! Я в этом деле — главная фигура! Без меня у вас ничего не выйдет!

— Твой кузен просто печется о твоей шкуре, — примирительно улыбнулся Гао Цзэкай, подливая масла в огонь. — Но ведь чтобы расправить крылья, молодой орлан должен сорваться с кручи. Верно ли я говорю, уличный посол Пэй?

Пэй Цзинсин перевел взгляд с затаившего дыхание кузена на лукаво щурившегося Гао Цзэкай и обреченно вздохнул:

— Будь по-твоему. Можешь идти с нами, но при одном условии: беспрекословно слушаться меня и не делать ни единого шага без приказа.

Хуайюй просиял от счастья:

— Конечно, брат! Даю слово, я буду тише воды и ниже травы!

Пэй Цзинсин лишь сокрушенно покачал головой — сладу с этим мальчишкой не было никакого.

— Идите собирайтесь. Жду вас через час у Поста городской стражи у восточных ворот.

<http://bllate.org/book/18419/1768283>